

Автономный политический климат и отношение к политической системе: как теория самодетерминации помогает понять политические взгляды

Гулевич О.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Чернов Д.Н.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7086-2808>, e-mail: dncernov@hse.ru

Цель. Анализ связи между политической самоэффективностью (воспринимаемым автономным политическим климатом) и отношением к политической системе в России.

Контекст и актуальность. Теория самодетерминации утверждает, что человек выражает более позитивное отношение к людям, которые создают автономный климат, чем к тем, кто создает контролирующий климат. Некоторые исследования, проведенные в демократических политических режимах, показали, что политическая самоэффективность — показатель воспринимаемого автономного политического климата — позитивно связана с отношением к политической системе. Однако возникает вопрос: насколько позитивная связь между политической самоэффективностью и отношением к политической системе сохраняется в странах с авторитарными политическими режимами, а также у людей с разными социально-демографическими и психологическими характеристиками?

Дизайн исследования. Респонденты принимали участие в онлайн-опросе, который проводился на платформе YandexToloka (замеры 1, 3, 5) и в социальных сетях (замеры 2, 4, 6). В ходе исследования было проведено шесть замеров: первый и второй замеры проводились в мае-июне; третий и четвертый замеры — в августе-сентябре; пятый и шестой замеры — в ноябре-декабре 2022 года.

Участники. 16656 жителей России ($N_1 = 2767$, $N_2 = 2580$, $N_3 = 3193$, $N_4 = 2482$, $N_5 = 3234$, $N_6 = 2400$). Данные были собраны весной-осенью 2022 года.

Методы (инструменты). Участники заполняли методики для измерения личной и коллективной политической самоэффективности, эмоционального и когнитивного отношения к политической системе, а также ряда психологических (политического интереса, внутренней политической самоэффективности, психологического благополучия, обобщенного доверия, национальной идентификации) и социально-демографических (пол, возраст, образование, доход) контрольных переменных.

Результаты. Исследование показало, что как личная, так и коллективная политическая самоэффективность (воспринимаемый автономный политический климат) были позитивно связаны с когнитивным и эмоциональным отношением к политической системе. Кроме того, результаты, полученные на YandexToloka, продемонстрировали, что связь личной политической самоэффективности с отношением к политической системе была сильнее выражена у людей, которые больше интересовались политикой и считали себя более осведомленными в этой сфере.

Связь коллективной политической самоэффективности с отношением к политической системе была сильнее выражена у людей с более высоким психологическим благополучием и более сильной национальной идентификацией. Однако во всех выборках было обнаружено, что позитивная связь между политической самоэффективностью и отношением к политической системе сохранялась после контроля социально-демографических и психологических переменных.

Основные выводы. Автономный политический климат — это важный фактор, предсказывающий когнитивное и эмоциональное отношение россиян к политической системе. Он играет важную роль в суждениях людей, принадлежащих к разным социально-демографическим группам и обладающих разными психологическими особенностями. Особенно большое значение ему придают люди, включенные в политическую жизнь, с высоким уровнем психологического благополучия и национальной идентификации. Таким образом, создание автономного политического климата, который позволяет людям выражать свои взгляды на общественные проблемы и влиять на политические решения, улучшает их отношение к существующей в стране политической системе, в том числе федеральным политическим институтам.

Ключевые слова: политическая самоэффективность; отношение к политической системе; оправдание системы; политическое доверие; психологическое благополучие; обобщенное доверие; национальная идентификация; теория самодетерминации.

Для цитаты: Гулевич О.А., Чернов Д.Н. Автономный политический климат и отношение к политической системе: как теория самодетерминации помогает понять политические взгляды // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 51–69. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160103>

Autonomy-supportive Political Climate and Attitudes to the Political System in Russia: How Does Self-Determination Theory Help in Understanding Political Attitudes

Olga A. Gulevich

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Daniil N. Chernov

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7086-2808>, e-mail: dnchernov@hse.ru

Objective. *In this study, we analyzed the relationship between political efficacy (autonomy-supportive political climate) and attitudes to the political system in Russia.*

Background. *Self-determination theory posits that individuals express more positive attitudes toward those who create an autonomy-supportive climate than toward those who create a controlling climate. Some studies conducted in democratic political regimes have shown that political efficacy, as an indicator of perceived autonomous climate, is positively associated with attitudes towards the political system. However, the question arises: to what extent does the positive relationship between political efficacy and attitudes toward the political system persist in countries with authoritarian political systems, as well as among individuals with different socio-demographic and psychological characteristics?*

Study design. *Respondents participated in an online survey conducted on the YandexToloka platform (samples 1, 3, 5) and on social media platforms (samples 2, 4, 6). The study involved six samples: the first and second samples were collected in May-June; the third and fourth samples were collected in August-September; the fifth and sixth samples were collected in November-December 2022.*

Participants. 16656 Russian citizens took part in this study ($N_1 = 2767$, $N_2 = 2580$, $N_3 = 3193$, $N_4 = 2482$, $N_5 = 3234$, $N_6 = 2400$). The data was collected in the spring-autumn of 2022.

Measurements. Participants completed questionnaires that measure personal and collective political efficacy (perceived autonomy-supportive political climate), cognitive and emotional attitude towards the political system, as well as a range of psychological (political interest, internal political efficacy, psychological well-being, generalized trust, national identification) and socio-demographic (gender, age, education, income) control variables.

Results. The study reveals that both personal political efficacy and collective political efficacy (perceived autonomy-supportive political climate) were positively associated with political trust and system justification. Results from YandexToloka demonstrate that the link between personal political efficacy and attitudes towards the political system is stronger among individuals who are more interested in politics and consider themselves more informed in this area. The association between collective political efficacy and attitudes towards the political system is stronger among individuals with higher psychological well-being and stronger national identification. However, in all samples, it is found that the positive link between political efficacy and attitudes towards the political system holds after controlling for psychological and socio-demographic variables.

Conclusions. The perceived autonomy-supportive political climate is an important factor in predicting Russians' cognitive and emotional attitude towards the political system. It plays a significant role for people belonging to different socio-demographic groups and possessing various psychological characteristics. People with an active political life, with high psychological well-being and national identification value it the most. The fostering of the autonomy-supportive political climate, which allows people to voice their opinions on social problems and influence political decisions, improves their attitudes towards the political system including federal political institutions.

Keywords: political efficacy; attitudes towards the political system; general system justification; political trust; subjective well-being; generalized trust; national identification; self-determination theory.

For citation: Gulevich O.A., Chernov D.N. Autonomy-supportive Political Climate and Attitudes to the Political System in Russia: How Does Self-Determination Theory Help in Understanding Political Attitudes. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 51–69. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160103> (In Russ.).

Введение

Политическая самоэффективность и отношение к политической системе — это важные факторы, которые предсказывают институализированное (иницированное представителями власти и воплощенное в официальных процедурах) и неинституализированное (иницированное гражданами) политическое участие. В частности, исследования показали, что обе переменные позитивно связаны с электоральной явкой [18; 19; 23; 41]. Кроме того, политическая

самоэффективность позитивно, а отношение к политической системе негативно связаны с участием в политических протестах [5; 19].

Большинство теоретических моделей [41; 44] рассматривают политическую самоэффективность и отношение к политической системе как независимые факторы политического участия. Однако несколько исследований, проведенных за последние двадцать лет в европейских и американских странах, продемонстрировали, что эти переменные позитивно

связаны между собой: люди, которые ощущают большую политическую самоэффективность, одновременно дают более позитивную оценку политической системе [20; 28; 34]. Возникает вопрос: насколько универсальна обнаруженная закономерность?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы проанализировали отношение между политической самоэффективностью и отношением к политической системе у россиян, принадлежащих к разным социально-демографическим группам и с разными психологическими особенностями. Теоретической основой исследования стала концепция базовых психологических потребностей, созданная в рамках теории самодетерминации (Self-Determination Theory), в которой рассматривается связь между психологическими потребностями, воспринимаемым социальным климатом и отношением к окружающим людям.

Психологические потребности и воспринимаемый социальный климат

Теория самодетерминации возникла в 70-х годах прошлого века. За пятьдесят лет в ее рамках сформировались пять более узких теоретических концепций. Одной из них является концепция базовых психологических потребностей (см. рис. 1). Сторонники этой концепции утверждают, что люди обладают тремя

основными психологическими потребностями. Они стремятся действовать по собственной воле (потребность в автономии, need for autonomy), проявлять свои знания и способности в разных областях (потребность в компетентности, need for competence) и формировать теплые отношения (потребность в связанности, need for relatedness) [46].

Согласно концепции базовых психологических потребностей (Basic Psychological Needs Theory), удовлетворенность потребностей в автономии, компетентности и связанности зависит от того, как люди воспринимают социальный климат, в котором находятся [46]. Ближайшее окружение — родители, романтические партнеры и супруги, преподаватели и руководители в организациях — создает проксимальный социальный климат. В то же время культурные, экономические и политические институты, которые существуют в стране, создают дистальный социальный климат [37].

Проксимальный и дистальный климат может быть автономным и контролирующим. Автономный климат (autonomy-supportive climate) дает людям свободу выбора и помогает им раскрыть свою индивидуальность, а контролирующий климат (controlling climate) ограничивает возможности людей и побуждает их действовать по заданным образцам [36]. Согласно концепции базовых психологических потребностей,

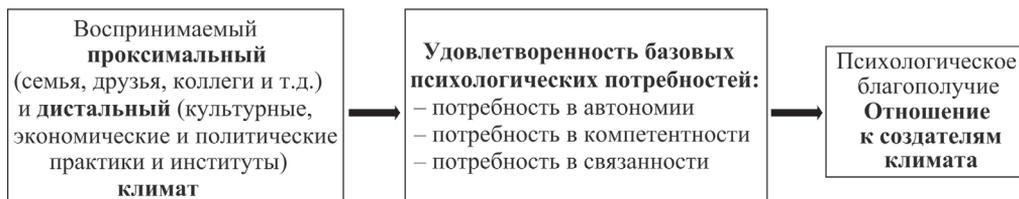

Рис. 1. Теория самодетерминации, концепция базовых психологических потребностей

восприятие¹ климата как автономного способствует удовлетворению базовых психологических потребностей, а восприятие климата как контролирующего — фрустрирует их [46].

Долгое время сторонники теории самодетерминации анализировали роль воспринимаемого проксимального климата, создаваемого ближайшим окружением. Однако в последнее время некоторые исследователи заговорили о важности воспринимаемого дистального климата. Одним из его элементов является воспринимаемый политический климат [37]. Исследователи исходили из того, что представители политической власти могут действовать по-разному: жестко контролировать суждения и поведение граждан (контролирующий климат) или создавать условия для того, чтобы граждане действовали в соответствии со своими предпочтениями (автономный климат).

Согласно концепции базовых психологических потребностей, автономный политический климат имеет три основные особенности [37]. «Голос и выбор» (voice & choice) означает, что люди имеют право открыто высказывать свое мнение о том, что происходит в стране, и могут влиять на политические решения. «Равное правоприменение» (equal enforcement) предполагает, что представители власти действуют по отношению к разным людям по одним и тем же правилам. «Объяснения и коммуникация» (rationales & communication) подразумевает, что представители власти объясняют гражданам смысл своих требований.

Политический климат и отношение к политической системе

Концепция базовых психологических потребностей рассматривает, прежде всего, факторы, предсказывающие психологическое благополучие людей. Однако некоторые исследования, в которых рассматривался проксимальный климат, показали, что воспринимаемая автономия со стороны родителей и романтических партнеров позитивно связана с привязанностью к ним [24]; воспринимаемая автономия со стороны преподавателей позитивно связана со студенческой оценкой их легитимности [16]; воспринимаемая автономия со стороны руководителей позитивно связана с качеством работы сотрудников [40].

Аналогично некоторые исследования, в которых рассматривался дистальный климат, продемонстрировали, что воспринимаемая автономия со стороны представителей власти позитивно связана с отношением к политикам и политическим институтам. В некоторых исследованиях речь шла о политической самоэффективности (political efficacy или реже — political self-efficacy) — вере человека в то, что он может оказать влияние на политические процессы. Эта переменная отражает одну из трех характеристик автономного политического контекста, описанных в теории самодетерминации — «голос и выбор».

Исследователи выделяют внутреннюю (internal political efficacy) и внешнюю (external political efficacy) политическую самоэффективность; внешняя, в свою очередь, делится на индивидуальную (personal efficacy) и коллективную

¹ Слово «восприятие» в данном случае играет важную роль. Люди реагируют не на климат сам по себе, а на свое представление об этом климате. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить о воспринимаемом автономном или контролирующем климате.

(collective efficacy). Под внутренней самоэффективностью понимается вера человека в то, что он хорошо разбирается в политике; под личной — вера в свою собственную способность влиять на политические процессы [41]; под коллективной — вера в аналогичную способность членов своей группы (например, людей той же этнической принадлежности или жителей той же страны) [5].

Несколько международных опросов, проведенных в европейских и североамериканских государствах, показали, что личная политическая самоэффективность положительно связана с отношением к Европейскому Союзу [28], доверием к национальным политическим институтам [7; 30] и государственным служащим [20]. Кроме того, анализ данных региональных выборов в США выявил положительную связь между личной политической самоэффективностью и доверием к местным властям [34]. Эти исследования подтверждают роль воспринимаемой автономии в формировании отношения к представителям политической власти.

Ограничения предыдущих исследований

Однако предыдущие исследования имеют как минимум три ограничения. Во-первых, в них измерялась личная политическая самоэффективность (показатель

личной автономии человека), но не измерялась коллективная самоэффективность (показатель автономии группы, с которой человек идентифицируется). Однако некоторые исследования показали, что связь между воспринимаемым политическим контекстом и отношением к политической системе можно объяснить через удовлетворение как личных потребностей, так и потребностей группы, с которой человек идентифицируется, в целом [21; 22].

Во-вторых, в этих исследованиях не рассматривалось взаимодействие политической самоэффективности с социально-демографическими и психологическими характеристиками участников. Иными словами, мы не знаем, насколько связь между политической самоэффективностью и отношением к политической системе воспроизводится в разных социально-демографических группах и у людей с разными психологическими особенностями (например, разной включенностью в политику, психологическим состоянием, отношением к людям или групповой идентификацией).

В-третьих, подавляющее большинство предыдущих исследований было проведено в странах с политическими режимами, которые создают для граждан более автономный политический контекст. Большинство международных индексов определяют эти режимы как «демократии»². В то же время мы облада-

² К настоящему времени в социальных науках выделен ряд критериев, позволяющих классифицировать государства по типу политических режимов. В более простых случаях эти режимы располагаются на континууме от «чистых автократий» до «чистых демократий»; в более сложных случаях используется несколько критериев, соответствующих разным формам демократии. Для измерения политического режима используются международные индексы (например, Freedom House [15], Polity Projects [45], Varieties of Democracy [49]).

В основе этих индексов лежит предположение о том, что в демократиях граждане обладают гражданскими свободами и политическими правами, выборы позволяют регулярно менять власть, а гражданское общество может действовать независимо от государства. В то же время в автократиях гражданские свободы и политические права сильно ограничены, а мирные попытки сменить власть подавляются и почти не оказывают влияние на текущее положение дел. Современные версии всех крупных международных индексов

ем небольшим количеством информации о связи между политической самоэффективностью и отношением к политической системе в странах с режимами, близкими к авторитарному полюсу, которые создают для граждан контролирующийся политический контекст.

В научной литературе можно встретить две точки зрения на влияние политического режима на взаимосвязь самоэффективности и отношения к политической системе. Первая позиция соответствует концепции базовых психологических потребностей [46]. Она гласит, что все люди более позитивно относятся к окружающим, которые создают автономный социальный, в том числе политический контекст. Это означает, что позитивную связь между политической самоэффективностью и отношением к политической системе можно обнаружить в странах с разными политическими режимами.

Вторая позиция гласит, что политический режим представляет собой сочета-

ние политических процедур и ценностей, которые оправдывают эти процедуры [13; 14; 33; 42]. Поэтому люди, живущие в демократических странах, больше поддерживают идеи, легитимирующие демократию [14]. Жители авторитарных стран реже связывают отношение к политической системе с возможностью влияния на власть, но чаще — с другими особенностями, например, с предсказуемостью процедур принятия решений [35]. Однако в данный момент наблюдается дефицит свидетельств, говорящих в пользу той или иной позиции.

Текущее исследование

Наше исследование было проведено в России, которая в настоящее время рассматривается международными индексами как страна с авторитарным политическим режимом [15; 45; 49], то есть с контролирующим политическим контекстом. В соответствии с теорией самодетерминации мы предположили, что личная (гипотеза 1а) и

учитывают несколько аспектов политического режима, а их создание включает комплексные процедуры перепроверки сделанных выводов.

Например, в *Polity* кодирование осуществляется несколькими кодировщиками, которые проходят предварительные тренинги по ознакомлению с методологией и принципами проекта [45]. Оценки каждого из кодировщиков проходят тщательную проверку со стороны руководителей проекта; каждое серьезное расхождение в оценках обсуждается и используется для дальнейшего улучшения методологии. Итоговый индекс *Polity* учитывает наличие институтов и процедур, посредством которых граждане могут влиять на политику, «сдержек» исполнительной власти и гарантий соблюдения гражданских свобод для всех граждан.

Varieties of Democracy (V-Dem) использует несколько другие процедуры кодирования и обеспечения надежности, а сами индексы характеризуются большим разнообразием [49]. Так, в *V-Dem* отсутствует единое определение демократии, в методологии описываются скорее набор принципов, которые характеризуют демократический режим (электоральный, либеральный, партиципаторный, делиберативный, эгалитарный, мажоритарный, консенсуальный). Кроме того, в *V-Dem* используются два вида показателей: фактические и оценочные. Фактические кодируются командой *V-Dem* на основе открытой и доступной информации. Для кодирования оценочных показателей привлекаются команды экспертов. Для каждой страны, включенной в набор данных, рекрутируется команда из нескольких кодировщиков, которые в 2/3 случаев являются гражданами этой страны и обладают соответствующей экспертизой по определенной области политической науки.

Индекс *Freedom House* в основном исследует степень предоставления политическим режимом прав и свобод собственным гражданам [15]. В оценке участвуют штатные и внешние аналитики, эксперты из научной среды, мозговых центров и правозащитных организаций. Итоговые оценки для каждой страны в каждом временном периоде обсуждаются на общей встрече. Оценки по странам и периодам, присвоенные аналитиками, проходят процедуру представления и защиты перед экспертами и руководителями проекта.

коллективная (гипотеза 1б) политическая самооффективность связаны с позитивным отношением к политической системе (рис. 2а). Иными словами, мы ожидали, что воспринимаемая личная и групповая автономия в политической сфере будет позитивно сказываться на отношении к представителям власти.

Кроме того, мы сформулировали два исследовательских вопроса об универсальности связи между политической самооффективностью и отношением к политической системе. Первый вопрос заключался в том, насколько эта связь зависит от социально-демографических особенностей людей (например, пола, возраста, уровня образования и дохода). Второй вопрос был связан с тем, насколько эта связь зависит от характеристик, отражающих психологическое состояние человека, его отношение к людям, включенность в политику и групповую идентификацию (рис. 2б).

В ходе исследования было сделано шесть замеров. Участники исследования отвечали на вопросы о политической самооффективности и отношении к политической системе. Кроме того, мы измеряли социально-демографические и психологические характеристики, которые, по данным предыдущих исследований, были связаны с политическим доверием. В качестве психологических характеристик мы рассматривали политический интерес, внутреннюю политическую самооффективность, психологическое благополучие [8; 12; 43; 47], обобщенное доверие [9; 26; 31; 39] и национальную (или гражданскую) идентификацию [27; 48].

Метод

Выборка и процедура исследования.

В нашем исследовании приняли участие российские респонденты. Данные представлены в репозитории Московского

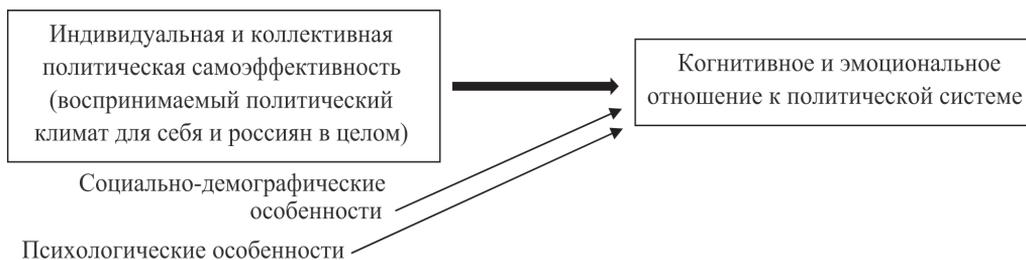

Рис. 2а. Исследовательские гипотезы, проверяются с помощью регрессионного анализа

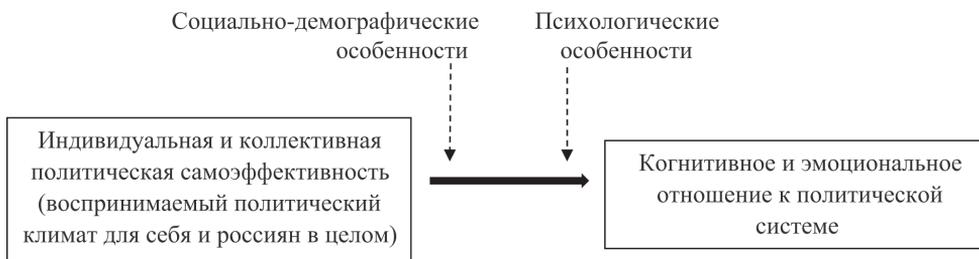

Рис. 2б. Исследовательские вопросы, проверяются с помощью модерационного анализа

Рис. 2. Схема исследования

государственного психолого-педагогического университета RusPsyDATA [3].

Выборка 1 включала 2767 человек, 51% участников определили себя как мужчин и 49% — как женщин; возраст варьировался от 18 до 80 лет ($M = 39,39$; $SD = 13,98$). (Данные, полученные на этой выборке, были также использованы в статьях [1; 2], но в них рассматривался другой набор переменных.) Выборка 2 состояла из 2580 человек, 35% отметили, что они мужчины, а 65% — женщины; возраст варьировался от 18 до 80 лет ($M = 53,11$; $SD = 12,06$). Эти данные собирались в мае-июне 2022 года.

Выборка 3 включала 3193 человека, 50% участников определили себя как мужчин и 50% — как женщин; возраст респондентов варьировался от 18 до 80 лет ($M = 39,36$; $SD = 13,90$). Выборка 4 состояла из 2482 человек, 31% отметили, что они мужчины, а 69% — женщины; возраст респондентов варьировался от 18 до 76 лет ($M = 54,81$; $SD = 11,86$). Эти данные собирались в августе-сентябре 2022 года.

Выборка 5 включала 3234 человека, 50% участников определили себя как мужчин и 50% — как женщин; возраст респондентов варьировался от 18 до 77 лет ($M = 39,49$; $SD = 13,96$). (Данные, полученные на этой выборке, были также использованы в статье [2], но в ней рассматривался другой набор переменных.) Выборка 6 состояла из 2400 человек, 29% отметили, что они мужчины, а 71% — женщины; возраст респондентов варьировался от 19 до 76 лет ($M = 57,32$; $SD = 12,19$). Эти данные собирались в ноябре-декабре 2022 года.

Выборки 1, 3 и 5 были собраны через Yandex-Toloka. Участники получили онлайн-ссылку на опросник, размещенный на 1КА — открытом приложении для создания онлайн-опросов. Выборки 2, 4 и 6 были собраны с помощью процедуры ри-

вер-сэмплинга, с помощью объявлений в социальных сетях. Участники получили онлайн-ссылку на опросники, размещенные на специальном ресурсе университета, где работают авторы.

Все респонденты дали согласие на участие в исследовании. Мы гарантировали респондентам анонимность. Для того, чтобы увеличить качество данных, мы использовали вопросы для проверки внимания. За успешное заполнение опросников (ответы на все вопросы, правильные ответы на контрольные вопросы) респонденты получали небольшую плату. Все респонденты подтвердили, что проживают в России и имеют российское гражданство.

Методики. Политическая самооэффективность измерялась с помощью русскоязычного опросника, который включал субшкалы для измерения личной и коллективной самооэффективности [38]. В классических методиках для измерения воспринимаемого социального климата [10; 25], созданных в рамках теории самодетерминации, респондентов просят оценить, насколько окружающие поддерживают их личную автономию. Однако в некоторых исследованиях, проведенных вне этой теории, респондентов спрашивали о воспринимаемой групповой автономии [21; 22].

Каждая субшкала состояла из трех утверждений: «Я/Вместе граждане России могу(т) влиять на принятие новых законов и политических решений», «Я/Вместе граждане России могу(т) способствовать избранию политического лидера, чьи взгляды я (они) разделяю(т)», «Я/Вместе граждане России могу(т) добиться исполнения существующих законов и политических решений». Респонденты оценивали степень согласия с этими утверждениями по 7-балльной шкале от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен) ($\alpha_{личная} = 0,91-0,96$; $\alpha_{коллективная} = 0,84-0,92$).

Отношение к политической системе было представлено двумя когнитивными (общее оправдание системы и доверие федеральным политическим институтам) и двумя эмоциональными (положительные и отрицательные эмоции к политической системе) показателями. *Доверие к федеральным политическим институтам* измерялось с помощью трех пунктов: респонденты оценивали, насколько они доверяют президенту, правительству и парламенту (Государственной Думе и Совету Федерации) Российской Федерации. Они давали ответ по 7-балльной шкале от 1 (совсем не доверяю) до 7 (полностью доверяю) ($\alpha = 0,87-0,95$).

Общее оправдание системы измерялось с помощью русскоязычного опросника [4]. Он включал пять утверждений, отражающих отношение человека к тому, что происходит в стране в целом, например, «Сегодня в России большинство решений власти направлены на благо народа» или «Сегодня в России большинство людей должны быть довольны тем, что имеют». Респонденты оценивали, насколько они согласны или не согласны с этими утверждениями, по 7-балльной шкале от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен) ($\alpha = 0,91-0,94$).

Эмоции по отношению к политической системе измерялись с помощью следующего вопроса: «В какой степени Вы испытываете следующие эмоции, когда думаете о политической системе, которая существует в современной России?». Положительными эмоциями были радость, энтузиазм и гордость, а отрицательными эмоциями — возмущение, отвращение и презрение. Положительные и отрицательные эмоции давались вперемешку. Респонденты давали ответ по 7-балльной шкале от 1 (в минимальной степени) до 7 (в максимальной степени) ($\alpha_{\text{позитивные}} = 0,73-0,90$, $\alpha_{\text{негативные}} = 0,84-0,92$).

Дополнительными переменными были социально-демографические и психологические характеристики. *Социально-демографические характеристики* измерялись с помощью четырех вопросов. Мы просили респондентов указать свой пол (1 — мужчины, 2 — женщины), возраст (количество лет), образование от 1 (незаконченное школьное образование) до 5 (высшее образование) и доход от 1 (не можем купить продуктов) до 7 (можем позволить себе все, включая квартиру или дом).

Психологические характеристики измерялись с помощью пяти методик. *Психологическое благополучие* измерялось как удовлетворенность жизнью [11; 32]. Опросник включал пять утверждений, например, «В основном моя жизнь близка к идеалу» и «Я полностью удовлетворен моей жизнью». Респонденты оценивали, насколько они согласны или не согласны с этими утверждениями, по 7-балльной шкале от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен) ($\alpha = 0,86-0,90$).

Обобщенное доверие измерялось с помощью двух методик. Одна методика измеряла доверие к людям: «Большинство людей в основном добрые», «Большинство людей заслуживают доверия» и «Большинство людей — честные». Вторая методика измеряла недоверие к людям: «Люди готовы лгать, чтобы достичь своих целей», «Большинство людей следуют принципу “каждый сам за себя”» и «Большинству людей нельзя доверять». В обоих случаях респонденты оценивали, насколько они согласны или не согласны с этими утверждениями, по 7-балльной шкале от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен). Участники, которых рекрутировали через социальные сети, заполняли первую методику. Респонденты, которых рекрутировали через YandexToloka, заполняли либо первый, либо второй вариант опрос-

ника. Однако при обработке данных ответы на пункты, отражающие недоверие к людям, переворачивались, и данные, полученные от всех респондентов, обрабатывались вместе ($\alpha = 0,85-0,90$).

*Национальная или гражданская идентификация*³ — восприятие человеком себя как жителя определенной страны — измерялась с помощью опросника, который состоял из девяти вопросов [29], например, «Как часто Вы используете слово “мы” применительно к россиянам?», «Как много общего, на Ваш взгляд, между Вами и россиянами?» и «Насколько Вы переживаете, если с россиянами происходит что-то плохое?». Респонденты давали ответы по 5-балльной шкале, где 1 означал минимальную идентификацию, а 5 — максимальную. Однако варианты ответа зависели от содержания вопроса ($\alpha = 0,91-0,94$).

Для *политического интереса* использовался один вопрос: «Насколько Вы интересуетесь политикой?». Респонденты давали ответ по 7-балльной шкале от 1 (совсем не интересуюсь) до 7 (очень интересуюсь).

Внутренняя политическая самоэффективность — вера человека в то, что он хорошо разбирается в политике — измерялась с помощью четырех утверждений: «Я много знаю о политике», «Я достаточно хорошо разбираюсь в политических проблемах», «Я разбираюсь в политике лучше, чем большинство людей» и «У меня есть необходимые знания, чтобы принимать участие в политике». Респонденты оценивали, насколько они согласны или не согласны с этими утверждениями, по 7-балльной шкале от

1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен) ($\alpha = 0,88-0,94$).

Результаты

Обработка данных проходила в статистическом пакете Jamovi; при анализе рассматривались связи, значимые при $p \leq 0,01$. Данные и полные варианты таблиц представлены в репозитории Московского государственного психолого-педагогического университета RusPsyDATA [3]. Описательная статистика представлена в табл. 1. Для проверки гипотез мы провели регрессионный анализ (функция «линейная регрессия»): личная и коллективная самоэффективность были независимыми переменными; общее оправдание системы, доверие федеральным политическим институтам, положительные и отрицательные эмоции к системе — зависимыми переменными; четыре социально-демографические особенности и пять психологических характеристик — контрольными переменными (см. рис. 2а).

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 2. Они показали, что во всех шести выборках личная (lc) и коллективная политическая (kc) самоэффективность были позитивно связаны с общим оправданием системы ($\beta_{lc} = 0,075^{***} - 0,220^{***}$; $\beta_{kc} = 0,202^{***} - 0,283^{***}$), доверием федеральным политическим институтам ($\beta_{lc} = 0,023^{***} - 0,196^{***}$; $\beta_{kc} = 0,209^{***} - 0,303^{***}$) и положительными эмоциями ($\beta_{lc} = 0,118^{***} - 0,188^{***}$; $\beta_{kc} = 0,136^{***} - 0,208^{***}$). Кроме того, они были негативно связаны с отрица-

³ В исследованиях, которые публикуются в международных психологических журналах, восприятие человеком себя как жителя или гражданина какой-либо страны чаще всего обозначается как национальная идентичность/идентификация (national identity/identification). Однако в русском языке «национальность» нередко используется как синоним «этничности, этнической принадлежности». Поэтому в русскоязычных работах чаще используется термин «гражданская идентичность/идентификация».

тельными эмоциями к политической системе ($\beta_{\text{лс}} = -0,206^{***} - 0,041^{***}$; $\beta_{\text{кс}} = -0,214^{***} - 0,137^{***}$). Эти связи сохранялись после контроля социально-демографических и психологических особенностей. Исключение составляло отсутствие статистически значимой связи личной политической самоэффективности с доверием к федеральным политическим институтам и негативными эмоциями в шестом замере.

Кроме того, психологическое благополучие (*nb*) и национальная идентификация (*ни*) были позитивно связаны с оправданием системы ($\beta_{\text{по}} = 0,182^{***} - 0,273^{***}$; $\beta_{\text{ни}} = 0,168^{***} - 0,271^{***}$), положительными эмоциями к ней ($\beta_{\text{по}} = 0,134^{***} - 0,172^{***}$; $\beta_{\text{ни}} = 0,184^{***} - 0,329^{***}$) и доверием федеральным институтам ($\beta_{\text{по}} = 0,124^{***} - 0,193^{***}$; $\beta_{\text{ни}} = 0,196^{***} - 0,340^{***}$), но негативно — с отрицательными эмоциями к политической системе ($\beta_{\text{по}} = -0,174^{***} - 0,076^{***}$; $\beta_{\text{ни}} = -0,240^{***} - 0,166^{***}$).

Обобщенное доверие (*од*) также было позитивно связано с отношением к политической системе, но преимущественно в замерах, сделанных в социальных сетях (оправдание системы: ($\beta_{\text{од}} = 0,018 - 0,117^{***}$); доверие федеральным институтам: ($\beta_{\text{од}} = -0,014 - 0,110^{***}$); положительные эмоции: ($\beta_{\text{од}} = 0,019 - 0,117^{***}$); негативные эмоции: ($\beta_{\text{од}} = -0,105^{***} - 0,014$)). Внутренняя политическая самоэффективность (*внс*) была, напротив, негативно связана с оправданием системы (кроме шестого замера) ($\beta_{\text{внс}} = -0,118^{***} - 0,014$), доверием федеральным институтам ($\beta_{\text{внс}} = -0,199^{***} - 0,067^{***}$), но позитивно — с отрицательными эмоциями ($\beta_{\text{внс}} = 0,091^{***} - 0,228^{***}$).

Для того, чтобы ответить на исследовательские вопросы, мы провели ряд

модерационных анализов (функция moderation в библиотеке Medmod): в каждом случае независимой переменной была личная или коллективная политическая самоэффективность; зависимой переменной — общее оправдание системы, доверие федеральным политическим институтам, положительные и отрицательные эмоции к системе; модератором — одна из социально-демографических или психологических характеристик, измеренных в исследовании (см. рис. 2б).

Мы обнаружили ряд статистически значимых модераций. Однако психологические характеристики более последовательно взаимодействовали с политической самоэффективностью, чем социально-демографические особенности. Кроме того, при анализе данных с YandexToloka было выявлено больше повторяющихся модераций, чем при анализе данных из социальных сетей. Поэтому ниже мы рассмотрим модели, основанные на данных с YandexToloka, в которых модераторами были психологические переменные.

В табл. 3 представлены модели, в которых взаимодействие между личной политической самоэффективностью и психологическими переменными достигало уровня статистической значимости [3]. В них рассматриваются переменные, которые модерируют связь между самоэффективностью и всеми показателями отношения к политической системе, по крайней мере, в двух из трех замеров. Результаты показали, что связь между личной политической самоэффективностью и отношением к политической системе модерировали два фактора — личный интерес и внутренняя политическая самоэффективность.

В частности, позитивная связь личной политической самоэффективности с оправданием системы, положительными эмоциями по отношению к ней и боль-

шим доверием федеральным политическим институтам была больше выражена у людей, которые проявляли сильный интерес к политике и считали, что хорошо разбираются в ней (кроме двух моделей в выборке 1). Эти условия также усиливали негативную связь между личной политической самоэффективностью и отрицательными эмоциями к системе (кроме одной модели в выборке 1).

В табл. 4 представлены модели, в которых взаимодействие между коллективной политической самоэффективностью и психологическими переменными достигало уровня статистической значимости [3]. Переменные отбирались по тому же принципу, что и в предыдущем случае. Результаты показали, что связь между коллективной политической самоэффективностью и отношением к политической системе модерировали два фактора — психологическое благополучие и национальная идентификация.

В частности, позитивная связь коллективной политической самоэффективности с оправданием системы, положительными эмоциями по отношению к ней и большим доверием федеральным политическим институтам была больше выражена у людей, которые были больше удовлетворены своей жизнью и сильно идентифицировались с жителями (гражданами) России. Однако только национальная идентификация усиливала негативную связь между коллективной политической самоэффективностью и отрицательными эмоциями к системе.

Обсуждение результатов

В этом исследовании мы проанализировали связь между политическим

климатом и отношением к политической системе. В качестве показателя воспринимаемого политического климата мы рассматривали личную и коллективную политическую самоэффективность. В качестве когнитивных показателей отношения к политической системе — общее оправдание политической системы и доверие федеральным политическим институтам; в качестве эмоциональных показателей этого отношения — положительные и отрицательные эмоции к политической системе. Результаты позволили сделать несколько выводов.

Во-первых, три фактора — психологическое благополучие, обобщенное доверие (преимущественно в выборках, собранных в социальных сетях⁴) и национальная идентификация — были позитивно связаны со всеми показателями отношения к политической системе. Эти данные соответствуют международным исследованиям, продемонстрировавшим, что люди с более высоким уровнем психологического благополучия [8; 12; 43; 47], которые больше доверяют окружающим [9; 26; 31; 39] и сильнее идентифицируются со своей страной [27; 48], больше оправдывают систему и доверяют политическим институтам.

Во-вторых, вера людей в свою способность и способность жителей России в целом повлиять на политические решения была позитивно связана с отношением к политической системе. Эти связи были обнаружены в замерах, проведенных на YandexToloka и в социальных сетях, а также после контроля четырех социально-демографических и пяти психологических характеристик. Таким образом, воспринимаемая автономия в

⁴ Нестабильность этой связи в выборках, собранных на YandexToloka, может быть связана с процедурой вычисления индекса обобщенного доверия.

политической сфере может быть важным критерием оценки политической системы не только в автономных (демократических), но и в контролируемых (авторитарных) политических режимах.

Эти результаты соответствуют концепции базовых психологических потребностей [36; 46], согласно которой автономный социальный климат позволяет человеку удовлетворить базовые психологические потребности и вызывает позитивное отношение к людям, которые его создают. Кроме того, наши результаты соответствуют результатам европейских и североамериканских исследований, описанных во введении [20; 28; 30; 34], которые показали, что личная политическая самоэффективность связана с позитивным отношением к политической власти, прежде всего, политическим доверием.

В-третьих, воспринимаемая автономия в политической сфере была одинаково связана с когнитивным и с эмоциональным отношением к политической системе. С одной стороны, это соответствует общей логике теории самодетерминации, которая не проводит различий между воздействием социального климата на эмоциональную и когнитивную составляющую психологического состояния человека и его отношение к другим людям. С другой стороны, это подчеркивает связь между эмоциональными и когнитивными элементами в отношении к власти.

В-четвертых, россияне ценят соблюдение как своей личной, так и групповой автономии. Причем важность групповой автономии сохраняется даже после контроля личной. Это соответствует данным некоторых исследований, показавших, что люди более негативно относятся к социальной системе, которая, по их мнению, ограничивает автономию их расовой или этнической группы, и больше

сопротивляются ей, чем системе, поддерживающей групповую автономию [21; 22]. Интересно, что в нашем случае речь идет о воспринимаемой автономии россиян в целом, а не отдельных групп внутри общества.

В-пятых, мы обнаружили отдельные социально-демографические различия в связи между воспринимаемой автономией и отношением к политической системе. Однако нам не удалось обнаружить ни одной характеристики, которая моделировала эту связь хотя бы в трех выборках с YandexToloka или в трех выборках из социальных сетей. Более того, позитивная связь политической самоэффективности с отношением к системе сохранялась даже при наличии статистически значимых модераций. Это означает, что, по-видимому, политическая самоэффективность важна для представителей разных социально-демографических групп.

Таким образом, можно предположить, что воспринимаемая автономия в политической сфере — это широко распространенный фактор, предсказывающий отношение людей к политической системе. Этот вывод соответствует недавнему анализу данных 10-ой волны Европейского социального исследования и 7-ой волны Всемирного исследования ценностей, который показал, что позитивная связь между личной политической самоэффективностью и доверием к политическим институтам присутствует как в демократических (автономный контекст), так и в авторитарных (контролирующий контекст) политических режимах [17].

Тем не менее мы обнаружили психологические характеристики, усиливающие связь между воспринимаемой автономией в политической сфере и отношением к политической системе. В частности, воспринимаемая личная автономия лучше предсказывала эмо-

циональное и когнитивное отношение к политической системе у людей, которые были больше вовлечены в политику — интересовались политическими вопросами и считали себя более осведомленными в политической сфере. Таким образом, можно предположить, что воспринимаемый политический климат оказывает влияние на отношение к его создателям в важных для человека сферах.

Кроме того, воспринимаемая групповая автономия лучше предсказывала эмоциональное и когнитивное отношение к политической системе у людей с более сильной российской идентификацией. Этот результат соответствует множеству исследований, показавших, что чем больше люди идентифицируют себя с социальной группой, тем позитивнее они оценивают других членов группы, тем больше интересуются групповыми проблемами, тем чаще следуют ее нормам и тем больше защищают ее интересы [5; 6]. В нашем случае идентификация повышала внимание к соблюдению групповой автономии.

Заключение

Наше исследование показало, что россияне более позитивно относятся к политическим акторам, которые создают, по крайней мере, один из элементов автономного политического климата — «голос и выбор». Воспринимаемая личная и групповая автономия в политической сфере играет важную роль в суждениях людей, принадлежащих к разным социально-демографическим группам и обладающих разными психологическими особенностями. Особенно большое значение им придают люди, включенные в политическую жизнь, а также обладающие высоким уровнем психологического благополучия и национальной идентификации.

Однако это исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, в ис-

следовании мы либо не конкретизировали уровень (федеральный, региональный, локальный) политических акторов (политическая самоэффективность, оправдание системы, эмоции к системе), либо спрашивали людей об отношении к федеральной власти (доверие федеральным институтам). Можно предположить, что это побуждало людей думать либо о федеральных властях, либо о тех политических акторах, с которыми люди сталкиваются непосредственно. Это не позволило нам сравнить, как различается важность воспринимаемой политической автономии на локальном и федеральном уровне.

Во-вторых, наше исследование было проведено на двух выборках, респондентах YandexToloka и пользователей социальных сетей. В целом выборки с YandexToloka были сбалансированы по полу, а в выборках из социальных сетей было гораздо больше женщин. Кроме того, респонденты YandexToloka были в целом моложе, а также указывали более высокий уровень образования и дохода, чем респонденты из социальных сетей. Для того, чтобы проконтролировать социально-демографические различия, мы провели модерационный анализ.

Однако мы не обнаружили устойчивых социально-демографических различий в связях между политической самоэффективностью и отношением к политической системе. С одной стороны, эти данные говорят в пользу универсальности обнаруженной связи. С другой стороны, качественные исследования фиксируют как эту, так и обратную тенденцию (согласие с решениями власти из-за воспринимаемой невозможности повлиять на них). Либо согласие не означает положительного отношения к власти, либо существуют дополнительные условия, оказывающие влияние на важность воспринимаемой автономии в политической сфере.

В-третьих, предыдущие исследования проводились преимущественно в странах с политическими режимами, расположенными ближе к демократическому, чем к авторитарному полюсу (автономный климат). Наше исследование показало, что воспринимаемая политическая автономия позитивно связана с отношением к власти в политическом режиме, расположенном ближе к авторитарному полюсу (контролирующий климат). Однако помимо политического режима, страны обладают другими особенностями, которые могут оказывать влияние на важность воспринимаемой автономии в политической сфере.

В-четвертых, наше исследование было кросс-секционным, а не экспериментальным. Поэтому мы не можем сделать определенный вывод о направлении причинно-следственной связи между политической самоэффективностью и отношением к политической системе. С одной стороны,

вера в отзывчивость власти может улучшать отношение граждан к ее представителям. С другой стороны, люди с позитивным отношением к политической системе могут приписывать ей характеристики, которые считают положительными.

Эти ограничения позволяют сформулировать направления будущих исследований. Во-первых, имеет смысл сравнить связь политической самоэффективности на локальном и федеральном уровнях с отношением к соответствующим представителям власти. Во-вторых, имеет смысл продолжать анализ индивидуальных, групповых и страновых факторов, которые оказывают влияние на важность автономного политического климата. Наконец, в-третьих, имеет смысл проводить лонгитюдные исследования, которые позволят разделить два направления связи между воспринимаемой автономией и отношением к политической системе.

Литература / References

1. *Гулевич О.А.* «Подлинный народ» против «коррупцированной элиты»: политический популизм как реакция на восприятие беспомощности в политической сфере // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2024. № 3. С. 39–58. DOI:10.30570/2078-5089-2024-114-3-39-58
Gulevich O.A. “Podlinnyy narod” protiv “korrumpirovannoy elity”: Politicheskiy populizm kak reaktsiya na vospriyatие bespomoshchnosti v politicheskoy sfere [The “pure people” vs. The “corrupt elite”: Political populism as a reaction to perceived helplessness in the political domain]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz.* = *Politeia*, 2024, no. 3, pp. 39–58. DOI:10.30570/2078-5089-2024-114-3-39-58 (In Russ.).
2. *Гулевич О.А.* Процедурная справедливость как фактор отношения к политической системе: роль экономического положения страны // *Социальная психология и общество.* 2023. Т. 14. № 4. С. 105–119. DOI:10.17759/sps.2023140407
Gulevich O. Protsedurnaya spravedlivost' kak faktor otnosheniya k politicheskoy sisteme: Rol' ekonomicheskogo polozheniya strany [Procedural Justice as a Factor of Attitudes Toward the Political System: the Role of the Country's Economic Situation]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 105–119. DOI:10.17759/sps.2023140407 (In Russ.).
3. *Гулевич О.А., Чернов Д.Н.* Автономный политический климат и отношение к российской политической системе: как теория самодетерминации помогает понять политические процессы [Dataset]. *RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов.* DOI:10.48612/MSUPE/1tx5-v396-727t
Gulevich O.A., Chernov D.N. Avtonomnyy politicheskiy klimat i otnoshenie k rossiyskoy politicheskoy sisteme: Kak teoriya samodeterminatsii pomogaet ponyat' politicheskie protsessy [Autonomy-supportive Political Climate and Attitudes to the Political System in Russia: How Does

- Self-Determination Theory Help in Understanding Political Processes] [Dataset]. RusPsyData: Psychological Research Data & Tools Repository. DOI:10.48612/MSUPE/1tx5-v396-727t
4. Agadullina E., Ivanov A., Sarieva I. How Do Russians Perceive and Justify the Status Quo: Insights from Adapting the System Justification Scales. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12, pp. 1–12. DOI:10.3389/fpsyg.2021.717838
 5. Agostini M., van Zomeren M. Toward a Comprehensive and Potentially Cross-Cultural Model of Why People Engage In Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Four Motivations and Structural Constraints. *Psychological Bulletin*, 2021. Vol. 147(7), pp. 667–700. DOI:10.1037/bul0000256
 6. Akfirat S., Uysal M.S., Bayrak F., Ergiyen T., Üzümpçeker E., Yurtbakan T., Özkan Ö.S. Social Identification and Collective Action Participation in the Internet Age: A Meta-Analysis. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2022. Vol. 15(4). Article 10. DOI:10.5817/CP2021-4-10
 7. Bienstman S., Hense S., Gangl M. Explaining the ‘Democratic Malaise’ in Unequal Societies: Inequality, External Efficacy and Political Trust. *European Journal of Political Research*, 2023. Online first. DOI:10.1111/1475-6765.12611
 8. Ciziceno M., Giovanni T. Perceived Corruption and Individuals’ Life Satisfaction: The Mediating Role of Institutional Trust. *Social Indicators Research*, 2019. Vol. 141, pp. 685–701. DOI:10.1007/s11205-018-1850-2
 9. Daskalopoulou I. Individual-Level Evidence on the Causal Relationship Between Social Trust and Institutional Trust. *Social Indicators Research*, 2019. Vol. 144, pp. 275–298. DOI:10.1007/s11205-018-2035-8
 10. Deci E.L., La Guardia J.G., Moller A.C., Scheiner M.J., Ryan R.M. On the Benefits of Giving as Well as Receiving Autonomy Support: Mutuality in Close Friendships. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2006. Vol. 32(3), pp. 313–327. DOI:10.1177/0146167205282148
 11. Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 1985. Vol. 49(1), pp. 71–75. DOI:10.1207/s15327752jpa4901_13
 12. Esaiasson P., Dahlberg S., Kokkonen A. In Pursuit of Happiness: Life Satisfaction Drives Political Support. *European Journal of Political Research*, 2020. Vol. 59, pp. 25–44. DOI:10.1111/1475-6765.12335
 13. Falomir-Pichastor J.M., Pereira A., Staerkl C., Butera F. (a). Do all lives have the same value? Support for international military interventions as a function of political system and public opinion of target states. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2012. Vol. 15(3), pp. 347–362. DOI:10.1177/1368430211424919
 14. Falomir-Pichastor J.M., Staerkl C., Pereira A., Butera F. (b). Democracy as Justification for Waging War: The Role of Public Support. *Social Psychological and Personality Science*, 2012. Vol. 3(3), pp. 324–332. DOI:10.1177/1948550611420172
 15. Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/> (Accessed 13.11.2023).
 16. Graça J., Calheiros M.M., Barata M.C. Authority in the Classroom: Adolescent Autonomy, Autonomy Support, and Teachers’ Legitimacy. *European Journal of Psychology of Education*, 2013. Vol. 28(3), pp. 1065–1076. DOI:10.1007/s10212-012-0154-1
 17. Gulevich O., Chernov D. Political Context, Perceived Political Climate and Attitudes towards Political Actors. How does the Self-Determination Theory Help Us Understand Political Processes? Unpublished manuscript.
 18. Hooghe M. Trust and Elections. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. Ed. by E.M. Uslaner. Oxford University Press, 2018. DOI:10.1093/oxfordhb/9780190274801.013.17
 19. Hooghe M., Marien S. A comparative analysis of the relation between political trust and forms of political participation in Europe. *European Societies*, 2013. Vol. 15(1), pp. 131–152. DOI:10.1080/14616696.2012.692807
 20. Houston D.J., Aitalieva N.R., Morelock A.L., Shults C.A. Citizen Trust in Civil Servants: A Cross-National Examination. *International Journal of Public Administration*, 2016. Vol. 39(14), pp. 1203–1214. DOI:10.1080/01900692.2016.1156696

21. Kachanoff F.J. A Group-Conscious Approach to Basic Psychological Needs Theory. The Oxford Handbook of Self-Determination Theory. Ed. by R.M. Ryan. Oxford University Press, 2023, pp. 1088–1105.
22. Kachanoff F.J., Kteily N.S., Park H.J., Khullar T.H., Taylor D.M. Determining Our Destiny: Do Restrictions to Collective Autonomy Fuel Collective Action? *Journal of Personality and Social Psychology*, 2020. Vol. 119(3), pp. 600–632. DOI:10.1037/pspi0000217
23. Katsanidou A., Eder C. Vote, Party, or Protest: The Influence of Confidence in Political Institutions on Various Modes of Political Participation in Europe. *Comparative European Politics*, 2016. Vol. 16(2), pp. 290–309. DOI:10.1057/cep.2015.27
24. La Guardia J.G., Ryan R.M., Couchman C.E., Deci E.L. Within-Person Variation in Security of Attachment: A Self-Determination Theory Perspective on Attachment, Need Fulfillment, and Well-Being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000. Vol. 79(3), pp. 367–384. DOI:10.1037/0022-3514.79.3.367
25. Legate N., Ryan R.M., Weinstein N. Is Coming Out Always a “Good Thing”? Exploring the Relations of Autonomy Support, Outness, and Wellness for Lesbian, Gay, and Bisexual Individuals. *Social Psychological and Personality Science*, 2012. Vol. 3(2), pp. 145–152. DOI:10.1177/1948550611411929
26. Liu C., Stolle D. Social Capital, Civic Culture and Political Trust. Handbook on Political Trust. Ed. by S. Zmerli, T.W.G. van der Meer. Edward Elgar Publishing, 2017, pp. 338–352.
27. Luca C., Kevin O.C., Chiara B. Do Superordinate Identification and Temporal. Social Comparisons Independently Predict Citizens’ System Trust? Evidence from a 40-Nation Survey. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12. DOI:10.3389/fpsyg.2021.745168
28. Mcevoy C. The Role of Political Efficacy on Public Opinion in the European Union. *Journal of Common Market Studies*, 2016. Vol. 54(5), pp. 1159–1174. DOI:10.1111/jcms.12357
29. McFarland S.G., Hornsby W. An analysis of five measures of global human identification. *European Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 45(7), pp. 806–817. DOI:10.1002/ejsp.2161
30. Mondak J.J., Hayes M., Canache D. Biological and Psychological Influences on Political Trust. Handbook on Political Trust. Ed. by S. Zmerli, T.W.G. van der Meer. Edward Elgar Publishing, 2017, pp. 143–159. DOI:10.4337/9781782545118.00020
31. Newton K., Zmerli S. Three forms of trust and their association. *European Political Science Review*, 2011. Vol. 3(2), pp. 169–200. DOI:10.1017/S1755773910000330
32. Osin E., Leontiev D. Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 1, pp. 117–142. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.06
33. Pereira A., Falomir-Pichastor J.M., Berent J., Staerklé C., Butera F. In the Name of Democracy: The Value of Democracy Explains Leniency Towards Wrongdoings as a Function of Group Political Organization. *European Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 45(2), pp. 191–203. DOI:10.1002/ejsp.2081
34. Rahn W.M., Rudolph T.J. A Tale of Political Trust in American Cities. *Public Opinion Quarterly*, 2005. Vol. 69(4), pp. 530–560. DOI:10.1093/poq/nfi056
35. Rivetti P., Cavatorta F. Functions of Political Trust in Authoritarian Settings. Handbook on Political Trust. Ed. by S. Zmerli, T.W.G. van der Meer. Edward Elgar Publishing, 2017, pp. 53–68. DOI:10.4337/9781782545118.00014
36. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. Guilford Press, 2017.
37. Ryan R.M., DeHaan C.R. The Social Conditions for Human Flourishing: Economic and Political Influences on Basic Psychological Needs. The Oxford Handbook of Self-Determination Theory. Ed. by R.M. Ryan. Oxford Academic, 2023. DOI:10.1093/oxfordhb/9780197600047.013.57
38. Sarieva I. How to Measure Perceived Political Efficacy? A Three-Component Scale. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2018. Vol. 15(3), pp. 477–490.
39. Schyns P., Koop C. Political Distrust and Social Capital in Europe and the USA. *Social Indicators Research*, 2010. Vol. 96, pp. 145–167. DOI:10.1007/s11205-009-9471-4

40. Slemp G.R., Kern M.L., Patrick K.J., Ryan R.M. Leader Autonomy Support in the Workplace: A Meta-Analytic Review. *Motivation and Emotion*, 2018. Vol. 42(5), pp. 706–724. DOI:10.1007/s11031-018-9698-y
41. Smets K., Van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout. *Electoral Studies*, 2013. Vol. 32(2), pp. 344–359. DOI:10.1016/j.electstud.2012.12.006
42. Staerklé C., Falomir-Pichastor J., Pereira A., Berent J., Butera F. Global Value Perceptions: The Legitimising Functions of Western Representations of Democracy. *European Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 45(7), pp. 896–906. DOI:10.1002/ejsp.2159
43. Tay L., Herian M.N., Diener E. Detrimental Effects of Corruption and Subjective Well-Being: Whether, How, and When. *Social Psychological and Personality Science*, 2014. Vol. 5, pp. 751–759. DOI:10.1177/1948550614528544
44. Thomas E.F., Duncan L., McGarty C., Louis W.R., Smith L.G.E. MOBILISE: A Higher-Order Integration of Collective Action Research to Address Global Challenges. *Political Psychology*, 2020. Vol. 43(S1), pp. 107–164. DOI:10.1111/pops.12811
45. The Polity Project. URL: <https://www.systemicpeace.org/polityproject.html> (Accessed 13.11.2023).
46. Vansteenkiste M., Soenens B., Ryan R.M. Basic Psychological Needs Theory: A Conceptual and Empirical Review of Key Criteria. The Oxford Handbook of Self-Determination Theory. Ed. by R.M. Ryan. Oxford Academic, 2023. DOI:10.1093/oxfordhb/9780197600047.013.5
47. Vargas-Salfate S., Paez D., Khan S.S., Liu J.H., Gil de Zúñiga H. System Justification Enhances Well-Being: A Longitudinal Analysis of the Palliative Function of System Justification in 18 Countries. *British Journal of Social Psychology*, 2018. Vol. 57, pp. 567–590. DOI:10.1111/bjso.12254
48. Vargas-Salfate S., Paez D., Liu J.H., Pratto F., de Zúñiga H.G. A Comparison of Social Dominance Theory and System Justification: The Role of Social Status in 19 Nations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2018. Vol. 44, pp. 1060–1076. DOI:10.1177/0146167218757455
49. Varieties of Democracy (V-Dem) [Электронный ресурс]. URL: <https://v-dem.net/> (Accessed 13.11.2023).

Информация об авторах

Гулевич Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией политико-психологических исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Чернов Даниил Николаевич, стажер-исследователь лаборатории политико-психологических исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7086-2808>, e-mail: dchnernov@hse.ru

Information about the authors

Olga A. Gulevich, Doctor of Sciences, Professor, Head of Politics & Psychology Research Laboratory, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Daniil N. Chernov, Research Assistant, Politics & Psychology Research Laboratory, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7086-2808>, e-mail: dchnernov@hse.ru

Получена 24.04.2024

Принята в печать 11.03.2025

Received 10.04.2020

Accepted 11.03.2025